

Марк

Довлатов

Обнаженное

Море

Марк Довлатов

Обнаженное море. Erotic stories

«Издательские решения»

Довлатов М.

Обнаженное море. Erotic stories / М. Довлатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745875-1

3-я книжка об эротических приключениях Майкла Дуридомова. Средиземное море: любовь и ревность, летающие рыбы и омары, шампанское и бриллианты, лабиринт и Минотавр, Робинзон и Калигула. Здесь все другое: любовь — соленая, секс — буйный, ревность — смертельная, море — обнаженное.

ISBN 978-5-44-745875-1

© Довлатов М.
© Издательские решения

Содержание

Обнаженное море	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Обнаженное море Erotic stories

Марк Довлатов

Фотограф Claudio Scott

© Марк Довлатов, 2019

© Claudio Scott, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4474-5875-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обнаженное море

Михаил проснулся от криков за окном, кричали на непонятном языке, *вот черт бы их*, на душе было тепло, сон еще не отпустил его, *что же там такое было*, он открыл глаза, мерно жужжал кондиционер, было уже утро, одеяло сползло на пол. Он повернулся, справа от него раскинулась на спине обнаженная девушка, левая рука ее была поднята на подушку, усыпанную волосами цвета темной-красной меди, ноги ее были слегка согнуты в коленях, губы шевелились. Взгляд его прошелся по белой коже девушки, по голубой жилке, ручейком пересекающей левую грудь и остановился на розовом соске. Он задержал свою руку, потянувшуюся к груди девушки, и опустил глаза вниз: чуть выпуклый живот мерно двигался; он тихонько прижал губы пониже пупка, опустил их еще ниже, зарылся носом в пушистый треугольник темных волос, медленно раздвинул бедра девушки руками. Тайная дверь чуть приоткрылась, он помог ей и застыл, зачарованный, как будто заглянул в нее впервые. Девушка слегка повернулась, бедра ее широко раздвинулись, она опустила руки и стала ерошить волосы Михаила, прижав его голову к себе; живот ее поднимался, дыхание участилось, она уперлась пятками в постель и подняла бедра, потом сжала их, дернулась, послышалось «ууух», она резко повернулась вправо и перевернулась на живот, медленно двигая бедрами, затихая, потом вырыла щекой ямку в подушке и замерла. Михаил поднял голову, повел сдавленной шеей, улегся на упругие бело-розовые ягоды и провел ладонью по левому бедру девушки, она согнула ногу в колене, и он не удержался, запустил руку меж ее ног сзади, услышал «нууу», вытащил мокрую ладонь, поднялся и лег на подушку. Желание пульсировало в нем, требовало удовлетворения, но он не хотел будить девушку, он мог себе позволить отложить исполнение желания, это не раздражало его, наоборот, наполняло какой-то первобытной силой: он знал, что это будет, пусть позже, но обязательно будет. Он тихонько убрал темно-рыжие волосы в сторону и поцеловал место, где шея переходит в плечо, потом заставил себя остановиться, развернулся и встал.

Контрастный душ немного его успокоил, он оделся и вышел из номера. Отель еще спал, Михаил быстро спустился вниз: в ресторане расторопные гарсоны уже накрывали завтрак. Он нашел кофе, быстро выхлебал чашку, вышел на улицу, с наслаждением закурил и повернул налево. Через квартал перед ним открылась площадь Массена, согрела его теплом терракотовых фасадов. Лучи утреннего солнца путались в струях фонтана, искрились на мраморной коже семиметрового обнаженного Аполлона, который, похоже, не сдерживал себя утром, так как пребывал в состоянии гордого покоя.

Михаил пересек площадь, прыгая по черным плитам шахматной доски, углубился в сквер, покосился на «Арку»; кроны пальм благосклонно ему кивали, но он не ответил им – его ждало море. Он пересек набережную, спустился на пляж: перед ним раскинулось спокойное спящее море, волн не было, оно манило его, звало в себя, соблазняло полной прозрачностью, обещало покой и негу. Он быстро разделся и по гальке добрался до края моря, решительно вошел в него, прошел пару метров, нырнул, открыл под водой глаза – сокровища Али-Бабы мерцали на дне, он вынырнул, встряхнул головой и поплыл навстречу солнцу. Соленая вода поддерживала его, ласкала его кожу, покорно расступалась под его гребками; он перевернулся на спину, выпустил вверх фонтан воды и застыл, раскинув руки и ноги: ощущение счастья наполнило его до краев. *Вот, запомни это: ты только что чувствовал соль женщины, а теперь – соль моря, они твои, и большие тебе ничего не нужно.*

На берегу Михаил жадно закурил, лег на спину, подставив тело молодому солнцу, вода высыхала на нем, впитываясь в кожу, наполняя ее упругой бурлящей энергией.

Минут через двадцать он вернулся в отель, перепрыгивая через три ступени, поднялся на второй этаж и вошел в номер. Девушка спала на правом боку, он быстро разделся и лег, прильнув к ней всем телом и, добравшись, наконец, до ее груди, поймал сосок.

– Ой, Мишка! А мне больница снилась.
– Ты прям по Пушкину.
– Чего это?
– Рифма «морозы – розы».
– Какие еще морозы?
– Ну, «Ницца – больница».
– Так мы ж во Франции! Я совсем забыла!
– Ну да.
– Здорово как! Мне так хорошо! Я выпалась. А ты?
– Давай я в тебе немножко побуду, Бельчонок.
– Ну побудь. Только не спеши. Ох и здоровый ты у меня. Ну заходи в гости. Нравится ему в гостях?

– Да он уже с час как собирался – еле отговорил.
– А чего отговорил?
– Не хотел вас будить.
– Какой ты у меня хороший! Погоди. Хочешь, я лошадкой стану?
– Это чтоб я побыстрее справился?
– Глупый ты какой. Это чтоб ты глубже вошел.
– Так тебе так нравится?
– Ну конечно.
– А чего ж ты раньше не говорила?
– Ну не говорила. Из скромности. Где это видано, чтоб... стар... шая... мед... сест... ра... сама... вот так... ста... но... ви... лась... ой, не могу больше! Все, пусти! Хватит! Выходи, я уже все.

– А я?
– А ты давай его сюда, садись сверху. Вот, я его подержу, крепко так, а ты подвигай... будут... нам... слив... ки... на завт... рак. Ну вот, молодец, ну стой уже, стой, вся грудь уже... Ну чего он еще торчит, скажи ему, что хватит, все уже, пошли есть. Кофе хочу. Со сливками.

– Да я ему говорил. Хочет прощальный поцелуй, наверно. Перед кофе.

– Вот бесстыдники вы оба! Поцелуй ему подавай!

– Так это же по-французски. Вживайся.

– Правда?

– Ну конечно.

– Ну ладно, поднимись повыше, поцелую его разочек.

– Сильней, Белка!

– Ну вот вам! Ууу, соленый! Все, убирайтесь! Я в душ.

Бэла перепрыгнула через Михаила, ухватила его за нос, потаскала туда-сюда и убежала, а он блаженно раскинулся на кровати, улыбаясь потолку. *Ну вот ты и во Франции, Майкл. Ты поимел, что хотел.*

Они сидели внизу в ресторане и завтракали.

– А что это у них за чашки такие – как пиалы и без ручек.

– Это они так утром кофе пьют – чтоб круассан туда макать.

– Вот чудики.

– Да, я в кино видел: один чудик даже французский батон умудрился туда запихать.

– Мишка, так некрасиво говорить: запихать.

– Ладно. Па-гру-зить. Довольна?

– Да я довольна, Мишутка, уже с полчаса как. И тут все такое вкусненькое. Ты наелся?

– Нууу... так... перекусил. Я бы еще разочек его па-гру-зил.

- Ну ты что! Люди кругом! А ты такое говоришь!
- Да не поймет никто. Что ты покраснела вся.
- Это от кофе!
- Ладно. Пошли уже.
- Пошли.

На площади Белка остановилась и уставилась на фонтан.

- Боже, Мишка, что ж он так прям голый с утра стоит!
- Так он же Аполлон. Бог. Греческий. Древне.
- А если он бог, чего ж у него писюн, как у гнома?
- Так он на нимфах отдуплился, успокоился уже.
- Белка засунула руку в карман джинсов Михаила.
- Так и я ж тебя уже успокоила, а ты вон... неугомонный все. Торчун.
- Ну Белка! Палучишь шас! Прямо тут.
- А вот и не поймаешь!
- Это я не поймаю?!
- Никада!
- Ну стой, Бельчонок, неохота бегать, кофе расплескаю.
- Ладно, идем.

На пляже они выбрали два лежака под зонтиком, разложились, Белка спустила вниз джинсовую юбку и стянула через голову белую маечку с пальмами.

- Ой, Мишка, куда ты меня привез!
- В центр европейской культуры, куда же еще.
- А чего в этом центре все бабы без лифчиков ходят?!
- Ну, и не все.
- Да вон смотри – полно.
- Такая у них тут свобода.
- Стыдная свобода какая-то.
- Вольному – воля, спасенному – рай.
- А ты у меня вольный или спасенный?
- Разочек ты меня утром спасла. Так что я теперь спасенный.
- Смотри у меня! Нет, наоборот, – нечего тебе на них смотреть!
- А ты не хочешь так попробовать?
- Ты что, сдурел совсем?!
- Ну как хочешь, Бельчонок. Я спросил просто.
- А тебе-то зачем это? Ты ж меня только что видел.
- У тебя грудь как у Венеры Медичи – не стыдно и людям показать. И погордится. Мне.

Тобой.

- А что это за Медичи? Врачи?
- Герцоги тосканские. Покровители искусства. И красоты.
- И что – у них там тоже все с голыми сиськами ходили? В Тоскании?
- Ну что ты. Это же средневековье. Там еще инквизиция была. Но они находили древние статуи – греческие и римские – и устанавливали у себя во дворцах. Посвящали им стихи. Песни-пляски учиняли. Всякое такое.
- Развратники они средневековые! Пляски им подавай. В голом виде.
- Да нет, эту статую они называли Венера Стыдливая. Как раз как ты.
- Ну ты такой у меня льстюн, Мишка! Про Венеру выдумал.

– Да никада! А ноги у тебя еще длиннее. А попка... Она у тебя и так почти голая. Как у Венеры.

– Ну одетая!

– Да, в две веревочки. С бантиками.

– Ну так все тут ходят! Посмотри.

– Ходят. С голой грудью. Аб-на-женной. Посмотри. Не хочешь?

– Ну я не знаю, Мишка. Стыдно. Ты представь, что это у нас в Мухосранске, на озере.

– Да ты ж не в Мухосранске сейчас, Бельчонок. Тут совсем другое все – миллионеры разные шныряют, как у нас воробыи.

– Врешь!

– Ну точно тебе говорю.

– А покажи хоть одного.

– Вон, гляди – на яхте мужик на тебя в бинокль смотрит.

– Где?!

– Уплыл уже. Ну признайся, хочешь попробовать?

– Ну я не знаааю...

– Ну иди сюда, садись, – Михаил усадил девушку к себе на колени и расстегнул застегку бюстгальтера. Белка свела руки перед грудью, покраснела и через челку стала поглядывать по сторонам.

– Вот видишь, не набросился никто, не собрались в кружок глазеть. Ну, убирай руки.

– Ну не хочууу! Побежали в море!

Белка стремглав бросилась к морю, плюхнулась в воду и быстро поплыла вперед. Михаил выждал немного и поплыл за ней, догнал метрах в пятидесяти от берега, поднырнул под нее и поймал за соски; она забрыкалась и ушла с головой под воду. Он обнял ее рукой за шею, запустил вторую руку между ее ног и впился губами в ее рот, вода вокруг заполнилась пузырями. Они вынырнули и остановились, болтая ногами.

– Мишка, нупусти!

– Папалась! Теперь все!

– Ну не надо, Мишутка, ну не трогай меня там, а то я уже опять захотела.

– Поплыли к буйку.

Они доплыли до буйка, ухватились за него руками, Михаил обнял Белку сзади за плечи и опустил руку вниз, скользнул по животу и двинулся дальше.

– Раздвинь ножки, Бельчонок.

– Ну стыдно! Вон они все на берегу смотрят на нас.

– Да ерунда, никто не смотрит.

Михаил приподнял бедра девушки, раздвинул ее ноги и вошел в нее.

– Ты моя рыбка золотая.

– Я же еще утром была лошадкой.

– А теперь рыбка.

– Ну ты, Мишка, совсем!

– Ты меня любишь?

– Я тебя, Дуридома, так люблю, что задушить готова.

– Совсем?

– Не, ну не совсем, что с тебя толку – с задушенного. Нет уж. Давай, толкай сильнее! Еще! Давай! Все! Выходи, а то люди увидят.

– Вот, так всегда. Теперь у тебя люди. А как тебе хотелось, так не было.

– Ты знаешь, я перед этим... ну, перед этим самым... совсем ни о ком не думаю, их как и нет.

– Ну мы-то – вот они.

– Да я вижу. Совсем не как у твоего Аполлона. Давай его сюда, я его потрогаю. Ух и упрямый. И все чего-то хочет. И все ему мало.

Белка вдруг отпрянула, резко нырнула, так что над водой сверкнули белые пятки. Через минуту она вынырнула, вокруг нее расходились пузырьки и белые сгустки, возвращающие в колыбель жизни частицу ее в виде дани.

– Ну как?

– Ну абалденно просто!

– Ты меня любишь?

– Я тебя все время люблю, Бельчонок. Даже когда сплю.

– Правда?

– Конечно.

Белка обняла его руками за шею и поцеловала в губы так, что у него захватило дух, он отпустил буюк, и они вместе ушли под воду. Когда они вынырнули, Михаил уставился в глаза девушки – в них сиял такой свет, будто внутри у нее работал целый ядерный реактор. *Вот повезло тебе, Дуридому, а. И за что.*

Выходили они из воды, держась за руки, и Белка шла, гордо расправив плечи, хоть и поглядывая краем глаза по сторонам. Под зонтиком она улеглась на спину, вставила в уши наушники, надела темные очки и стала что-то подмурлыкивать, дирижируя пальцами ноги. Михаил улегся на правый бок на соседний лежак и закурил. Глаза его бродили по коже девушки, исследовали впадины и выпуклости, сигналы поступали в мозг, руки его непроизвольно подергивались. *И когда же ты ее наешься. Что ж такое с тобой делается, чем она тебя так привлекает. Ну вот хоть сегодня: смотришь на нее с самого утра, уже два раза было, а руки сами тянутся. А разве это плохо. Да не плохо, понять хочется, чего еще от себя ждать. А вот ты и не знаешь, чего от нее ждать: когда она застесняется на ровном месте и закобенится, а когда утворит такое как сегодня. Прямо в Ницце, прямо посреди бела дня. Это тебя и заводит – неизвестность. Тайна. Ну какая такая тайна – в Белке. Простая рыжая девчонка. Ну, симпатичная, конечно. Наверно, есть. Непредсказуемость это и есть тайна. С ней все время – как в казино: ожидание, предвкушение. Ждешь красный – получаешь черный. И наоборот. То пан, то пропал.*

– Белка, сторишь вся, – Михаил понял, что девушка не слышит, взял крем от загара и поляпал ей на ноги, живот и грудь: она вскинулась, вынула наушники и сняла очки, – давай я тебя намажу. Он пересел на ее лежак и стал мерно размазывать крем, втирая его в кожу, лаская ее пальцами, подбираясь потихоньку к розовым торчащим соскам. Белка закинула руки за голову и смотрела ему прямо в глаза. Михаил осторожно поводил пальцами по бело-розовой коже груди и прищемил соски, повертел их в разные стороны, будто заводил часы.

– Ууу... ну пусти, – Белка сдвинула бедра и стала медленно тереть их друг о друга, но руки не опускала, только живот ее непроизвольно выгнулся вверх. Михаил размазал крем сверху бедер и немного раздвинув, опустил пальцы на внутреннюю их сторону, где кожа была девственно нежной.

– Ты же хочешь, Бельчонок. Хочешь побыть Кончитой.

– Хочу. Но никак нельзя, Мишка. погоди. Остановись. Иди сюда, что скажу.

Михаил прилег боком на краешек лежака и чмокнул девушку в нос.

– Ты знаешь, Мишка, как-то это совсем по-другому, по-новому.

– Что.

– Ну вот я лежу тут, почти голая. Вокруг людей полно. Стыдно еще немного, но и приятно. Ты меня трогаешь. Они смотрят. От этого еще приятней. Хотя они мне триста лет не нужны. Но что-то это добавляет. Странно как-то. И что они думают? Интересно просто.

– Они завидуют.

- Ты, правда, так думаешь?
- Конечно. Вон очередной миллионер идет, в гавайке, так на нас смотрит сквозь темные очки, что шас грохнетя шнобелем в песок.
- Мне так хочется, что аж даже больно. Сводит все там внутри.
- Так давай. Я накрою тебя полотенцем и потрогаю. Там.
- Да нет, ты не понимаешь. Я сама себя останавливаю. Я как на обрыве стою и готовлюсь полететь. Душа замерла вся. Я чувствую себя птицей. Вот – сейчас. Ты научил меня летать, Мишка. Это очень приятно, знать, что ты можешь полететь. Даже если ты еще не летишь. Понимаешь?
- Предвкушение. Порог.
- Да. Хочется постоять еще немного, подождать. Как-то мучительно приятно. И волнительно до ужаса.
- Ты моя рыба. Летающая.
- Ну рыбы не летают, Мишка!!!
- Еще как летают. В Тихом океане.
- Ты серьезно?!
- Ну конечно.
- Я тебе говорила, что я тебя люблю?
- Никада.
- Ах ты падлец! А ну пошли в море!
- Поныряем?
- Открутим тебе что-нибудь – чтоб никто не видел! И Аполлону твоему приделаем. А ты так походишь, отдохнешь.
- Ты знаешь, Бельчонок, у древних греков в мифах Геракл как-то боролся с Антеем, сыном Земли.
- Тоже голые?
- Ну это как водится.
- Так это от греков все пошло?
- Наверно.
- И что.
- Вот он его скрутит и бросит на землю, а тот все вскакивает как заведенный.
- Неугомонный был? Как ты?
- Он падал на землю, и Земля, его мать, давала ему новые силы.
- Так ты ж не падаешь. Стоишь все время. Он.
- Я к тебе как прикоснусь, откуда-то и берутся новые силы. Все время. И даже не прикоснусь – посмотрю или подумаю просто.
- Ты так красиво рассказываешь, Мишка.
- Это ты у меня красивая.
- Правда?
- Конечно. Смотри – вон все мужики собрались на тебя посмотреть.
- Где?!
- Они виду просто не подают. Деликатные. Не хотят тебя смущать. Знают, что в Мухосранске девушки так не ходят.
- А я и не смущаюсь уже. Почти. Только в груди тепло как-то. Все время.
- Только в груди? А еще где?
- Ну Мииишка!!! Жаль, сковородки моей нет – бемцнула бы тебя по кумполу!
- За что?!
- За то! Чтоб знал!
- Ты моя фурия любимая.

- Это еще кто такие – фурии?
- Это у греков так медсестры назывались.
- Аааа, ну тогда ладно. Стой! А они там тоже голые ходили?
- Конечно. Без трусов даже.
- Ну где ты видел медсестру без трусов, Мишка?!
- Ну видел одну. Хочешь, покажу?
- Ну палучишь ты у меня сегодня!
- А он?
- И он получит.
- Па-ци-луй? Страстный. Французский.
- Зубами!
- Ладно. Он согласен.
- Слушай, Мишка, а греки эти твои работали когда-нибудь или только...
- Ну сама подумай, Белка, все без трусов – какая работа. Только любовь. Ну, можно еще миф какой придумать.
- А расскажи еще что-нибудь.
- Ну вот был у них Зевс.
- Это кто?
- Царь богов.
- И что он.
- Он любил подстеречь земную женщину... и с ней... туда-сюда...
- А те и рады стараться! Сразу юбки задирали? Или у них юбок-то и не было?
- Та не, они боялись. Так он превращался то в быка, то в лебедя, то в золотой дождь. Чтобы с ними туда-сюда.
- В золотой дождь! Так он у них главный извращенец и был! Фууу!
- Та не тот дождь, дурында ты малолетняя! Настоящий. Золотой.
- Ну не знаю, Мишка. Странные они, греки твои. Чтоб я вот это так... с быком... или даже с лебедем... бррр!
- Ну ты же говорила только что, что ты птица.
- Так то ж не взаправду!
- Так и у них это – мифы! Легенды, значит.
- Но кто-то ж их придумал. Значит, что-то такое он думал.
- Думал. Образами.
- Это как?
- Ну вот ты, например, лошадка. Образно говоря.
- Белка резко вскочила с лежака, стала возле Михаила на четвереньки, оттопырив попку, быстро глянула по сторонам и куснула его за плавки.
- Такая?
- Ох, ты, блин, и такая! Дикая. Иди ко мне.
- Нет! Никада! Пошли в море!
- Ну, держись, узнаешь, что Посейдон с nereидами делал!
- А это еще кто?
- Морской бог, брат Зевса.
- Ага, брат, значит! Ну, все, дальше можешь не рассказывать. Я девушка скромная, мне такое ни к чему! А что он делал?
- Он так тихонько к ним подкрадывался... и хап! И потом...
- Ну Мииишка!!! Ну пусти!
- Я бог морской или я тебе фузик мухосранский? Быстро говори!
- Бог! Ну бог! Ну пусти!

- А если я бог... а ты простая смертная девушка...
- Ну не надо, Мишутка! Ну стыдно так! Ну я потом! Я отработаю!
- Будешь простой смертной девушкой?! Клянись!
- Ну клянусь!
- Ладно. Пошли остынем. Окунемся. В морскую пену.
- Вот ты подлец какой! Утоплю тебя щас! В пене твоей!

Возвращались с пляжа они по Английской набережной, уставшие, разморенные солнцем и любовью, обнявшись за плечи.

- Мишка, а что это за дворец такой. Negresco написано.
- Это отель, Бельчонок.
- Для негров?!
- Да нет, это хозяина так звали – Анри Негреско. Он румын был немножко.
- Ничего себе румын – такой купол отгрохал!
- Его Эйфель делал. Тот, что башню. А форму скопировал с груди своей дамы сердца.
- Ничёсе – дама у него была! А Эйфелеву башню он с себя скопировал? Тогда понятно, за что она его любила.

– Зато теперь это символ Парижа. Теперь ты понимаешь, почему его называют столицей любви?

- Теперь понимаю! А тут кто живет?
- Да много кто. Шанель жила, Джина Лоллобриджида, Пикассо, Сальвадор Дали, Хемингуэй, герцог и герцогиня Виндзор, Майкл Джексон...
- Абалдеть! Красиво там внутри, наверно.

– Красиво. Под куполом висит четырехметровая хрустальная люстра – их всего две сделали, вторую – для Николая II, – он ее повесил в Большом Кремлевском дворце. А еще в этом отельчике есть Королевский салон и салон Людовика XIV – там лежит настоящий ковер Марии Медичи.

- Да ты что! Круто! Как в кино?!
- Почти. Но тут – все настоящее. Этот отель – символ Лазурного Берега. Давай я тебя щелкну – на фоне.
- Подожди, причешусь. Давай. А можно я девчонкам скажу, что мы тут с тобой жили?
- Зачем, Бельчонок. Вот еще немножко денег заработаем – поживем тут хоть денек – тогда и расскажешь.

- Ты правду говоришь?!
- Ну разве я тебя когда обманывал.
- Мишка, ну давай уже скорей! Так хочется! Я уже сегодня была у тебя Медичи, а теперь бы на ковре так... прилечь. Мариином. А ты бы меня пощелкал.

- Голую?
- Ну у них же все там... в Тоскании... ты же сам говорил!
- Ладно, будешь у меня Афродита Каллипига и Афродита Кастниетида.
- А это еще что? На ругательства похоже.
- Да нет, что ты. Это так греки называли свою богиню любви.
- Да знаю я твоих греков! А перевести как?
- Нууу... если по-простому... примерно...
- Давай уже!
- Бесстыдница голополая.
- Ох и палучите вы все у меня! И ты, и греки!

Так они шли, болтая, наслаждаясь ветерком с моря. От сквера с пальмами они свернули вправо и дошли до фонтанов: дети бродили по дну, перебрасывались мячиками и фрисби.

- Мишка, я соленая вся. Хочу в фонтан!
- Ну давай, пока он спит.

Белка оперлась руками о бортик, разулась, опустила в воду одну ногу, потом другую, пошла по дну, смывая ладонями соль с бедер; фонтан вдруг ожил и выбросил вверх огромные струи воды, они падали вниз, разнося вокруг тучи брызг. Футболка девушки сразу намочила, и из-за островка с пальмами на ней любопытно выглянули соски.

- Мишка! Ну я мокрая вся! И голая опять! В городе!
- Ну вылазь, иди ко мне.

Белка выбралась из фонтана и прижалась грудью к Михаилу.

- Спрячь меня. Ну как я теперь пойду.
- Постой так. Ты моя красавица. Помнишь, когда я тебя так в первый раз увидел?
- Когда? В Шарме?

– Нет. Дома. Перед подъездом. Гроза началась. Растворила твою маечку. И мы пошли ко мне. Кофе пить.

- А ты такой подлец оказался!
- Почему это?
- Надругался. Над бедной девушкой.
- А она разве не хотела?
- Да она давно хотела. Да тебе ж, Дуридому, пока гром не грянет...
- Ну, вот такой тебе попался.
- Попался-таки?
- По полной программе.
- И сейчас?
- Сейчас еще больше.

- Почему?
- Не знаю. Так выходит. Само как-то. Чем больше тебя у меня есть, тем больше я хочу.

Еще и еще. Я даже думаю, может, это болезнь какая. Ты не знаешь?

- А может это любовь называется?
- Так это самая страшная болезнь и есть.
- Почему это?
- Потому что от нее нет лекарства.
- А зачем тебе от нее лечиться? Разве тебе плохо?
- Мне хорошо. Сейчас. Но периодически я боюсь.
- Чего?
- Ну вот набегут миллионеры всякие... на яхтах... и украдут тебя.
- А ты меня не отпускай!
- Я-то тебя не отпущу. Но, может, ты сама уйдешь.
- От тебя, Дуридома?
- Ну да.
- Да не дожدهшься!!!
- Правда?
- И не мечтай!
- Бельчонок ты мой любимый. Я только об одном и мечтаю.
- О чем это?
- Чтобы ты всегда была со мной.
- Правда?
- Ну да.
- А зачем тебе это?
- Ну кто меня еще целовать будет. Иногда. По-французски.

- Ах ты подлец какой! Убью тебя щас!
- Пошли есть? Ты уже высохла.
- Ох и голодная я! Давай меня кормить, быстренько! По-французски!

В тот вечер, полтора года назад, Михаил Дуридомов, тогда еще недоучившийся студент-историк и работник Пункта приема вторсырья, возвращался домой с работы и у подъезда на лавочке увидел Бэлу Бурлакову – они жили в одном подъезде и встречались так почти каждый день, перебрасывались парой фраз, он получал обычно по носу и шел, не солоно хлебавши, домой. Он никак не мог понять отношение девушки к себе – они были приятелями, но простого дворового общения не получалось – она задирала его, он – ее; меж ними пролегла невидимая стена, граница, которую они никак не могли перейти.

Сегодня Бэла не спешила в больницу, сидела на лавочке покрашенная, положив ногу на ногу, и Михаил усмотрел, что под белым топилом у нее ничего больше нет. Он отогнал всякую дурню, так и готовую сорваться с кончика языка и выдал из себя комплимент – первый раз. Грянул гром, но молния его не поразила, начавшийся дождь проявил под топилом Белкины соски, и она согласилась пойти к нему домой выпить кофе.

Дома он проводил девушку в комнату и бросился на кухню делать кофе. Конфет не было, *черт, только батон старый*, в шкафчике Михаил нашел бутылку какого-то прибалтийского ликера, передаренного отцом, и налил в кофе на палец ликера. Через минуту Белка отхлебнула кофе.

- Да ты напоить меня хочешь, что ли, Мишка?
- Та не, просто... чтоб вкусней.
- Вкусно. А музыка у тебя есть?
- Есть, щас включу, – он запустил комп, плеер, и из его пяти колонок бухнул Крис де Бург – «Леди ин ред».
- А монитор у тебя классный.
- Суперский – все видно.
- А что ты хочешь увидеть?
- Нууу... вот зашел на твою страницу – чтоб глаза лучше рассмотреть можно было.
- Так ты мои глаза рассматривал?!
- А что, нельзя?
- Интересно просто. А еще что рассматривал?
- Нууу... но... ги.
- А сейчас внизу что рассматривал?
- Что видно стало, то и рассматривал.
- Рассмотрел?
- Рас... смотрел.
- И что?
- Ты... это... Белка. Ты не хочешь потанцевать? – выпалил он.
- С тобой что ли?
- Ну как хо...
- Да пошли уже.

Они топтались босиком на старом ковре, слегка обнявшись за плечи, изображая «медленный» танец. Михаил потихоньку прижимал девушку к себе, она чуть пружинила, сопротивлялась, потом поддавалась; ее упругие груди играли на клавишах его ребер, руки его дрожали, факел в паху полыхал; он опустил руки вниз по спине девушки и прижал ее юбку к своим джинсам. *Уйдет, щас уйдет! Как пить дать уйдет!*

- Мишка, да ты, может, чего-то хочешь?
- А ты не уйдешь?
- Чего это? Мы же только пришли.
- Правда?
- Ну говори.
- Я хочу... их... потрогать. Твои...
- Только потрогать?
- Нет. И... по... смотреть.
- И все?
- И... поцеловать.
- Так это уже три желания, Мишка. Давай одно что-нибудь придумай. Пока я добрая.
- Одно?! Как же это – одно? Стой! Придумал! Я хочу, чтобы ты лежала на диване, под пледом, без ничего, а я лежал рядом... вот.
- Вот ты хитрюга какой! Придумал! Скажешь тоже: без ничего!
- Ты не уйдешь... сейчас? Ты не обиделась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.